

Под бдительным присмотром троих старших Юаньцзин был вынужден томиться в постели целых пять дней. Только когда лекарь Яо пришел снова и подтвердил, что рана затянулась, мальчику разрешили подняться. Всё это время ему приходилось читать тайком, пряча книги под одеялом: госпожа Сун была твердо убеждена, что раз внук повредил голову, то и «утруждать мозги» ему сейчас строго противопоказано.

Впрочем, эти пять дней затворничества пошли ему на пользу. Юаньцзин потратил их на то, чтобы окончательно усвоить знания прежнего владельца тела и сделать их своими. Несмотря на возросшую силу души, он не был до конца уверен, что превзойдет оригинал в карьере. Одно дело — проводить исследования в лаборатории, и совсем другое — зубрить каноны, сдавать многоступенчатые экзамены и лавировать в хитросплетениях чиновничьего аппарата. В этом он не считал себя мастером.

«Но я точно не могу прожить эту жизнь хуже, чем он в первый раз. Иначе какой в этом смысл?»

Едва оказавшись на ногах, Юаньцзин подхватил ранец и поспешил в школу. Тао Даюн вызвался проводить его лично. Опасаясь, что сын еще слаб, он всю дорогу до самого порога школы нес мальчика на спине, а затем бережно передал в руки учителя. Ранее отец уже приходил просить об отпуске по болезни, и наставник Чэнь искренне переживал за своего лучшего ученика. Где он найдет еще одного такогомышленного мальчишку, если этот «испортит голову» после падения?

— Отец уходит, Цзин-бао. Прилежно слушай учителя, а вечером я приду за тобой, — напутствовал Даюн, никак не желая уходить.

— Я понял, папа. Буду вести себя хорошо, — пообещал Юаньцзин.

За эти дни ему пришлось силой заставить себя привыкнуть к восьмилетнему возрасту. Когда нужно было притвориться послушным ребенком, он делал это без колебаний.

Видя, как сын ласково машет ему рукой, Даюн почувствовал прилив сил. Развернувшись, он отправился в городок на поиски подработки. Ему нужно было заработать как можно больше: на бумагу, тушь и книги для ребенка, а также отложить серебро на будущие поездки на экзамены. Тао Эръя хотела погубить его сына? Что же, пусть теперь смотрит, как его сын купается в лучах славы, а ей не достанется и крохи. Пусть кусает локти от досады.

В этом их мысли с Юаньцзином полностью совпадали — яблоко от яблони упало недалеко.

В отличие от своего старшего брата Дачжу, Даюн, будучи любимчиком матери, обладал куда более гибким умом. Мужчина всегда считал, что сын пошел в него. В свое время у семьи просто не хватило денег на его учебу, иначе он вряд ли остался бы простым землепашцем.

Стоило работам в поле поутихнуть, как он тут же убежал в городок или уездный центр, всегда возвращаясь с лишней монетой в кармане.

Учитель Чэнь устроил Юаньцзину небольшую проверку и с удовлетворением обнаружил, что мальчик не только не забыл пройденное, но и заметно продвинулся в понимании текстов. Наставник вздохнул с облегчением: голова и впрямь не пострадала, и то благо.

Вернувшись домой, Юаньцзин вспомнил о женьшене. Удивительно, но за все эти дни никто так и не обнаружил находку. Опасаясь, что корень заметят при разделе имущества и он попадет в руки родни, мальчик припрятал его в сундуке под замком. Юноша не собирался отдавать Эрье ни единой медной монеты — в этом вопросе он был принципиально скуп.

После ужина Юаньцзин прокрался в свою комнату, достал перевязанный сверток и поспешил в главную палату. Выложив находку на стол, он произнес:

— Бабушка, папа, мама... На самом деле, тогда в горах я нашел еще кое-что ценное. Всё забывал достать.

Увидев, что внук снова бодр и весел, госпожа Сун расплылась в улыбке. Обычно она была громогласна, но с любимым внуком старалась говорить как можно мягче:

— Что за ценность такая? Ох, неужели мой драгоценный внучек решил порадовать бабушку подарком?

Юаньцзин невольно покраснел. При такой слепой любви со стороны старой госпожи оставалось только благодарить небеса, что оригинал не вырос избалованным бездельником.

— Бабушка, смотрите сами, — Юаньцзин не стал больше ничего объяснять и просто развернул сверток.

Говорят, если и не пробовал свинины, то уж как бегают свинья — видел всякий. Хотя члены семьи Тао никогда не держали в руках целый корень женьшеня, при виде этого сокровища у всех троих перехватило дыхание.

— Женьшень? Даюн, глаза меня не обманывают? Это ведь правда он? — прошептала госпожа Сун.

— Матушка, это он самый! — отец не скрывал восторга. — Наш Цзин-бао и впрямь отмечен удачей. Не зря лекарь Яо говорил, что беды обойдут его стороной — это сама судьба улыбнулась нашему дому!

— Ох, дай бабушка тебя обнимет! Наше бесценное сокровище, свет моих очей! — старая госпожа снова прижала внука к себе, осыпая ласками. Юаньцзину оставалось только смиренно

принимать эту бурную нежность.

Когда бабушка наконец его отпустила, настала очередь матери. Младшая госпожа Сун обнимала сына с такой силой, что мальчик невольно покосился на её тяжелый живот. Вдруг он почувствовал легкий толчок — маленький человечек внутри пнул его через стенку живота. Юаньцзин замер от изумления. Это его брат. За три жизни он, пожалуй, впервые так осознанно ожидал прихода новой жизни в этот мир.

— Сынок, — обратилась мать, — как нам поступить с этим корнем?

— Пусть решает Цзин-бао, — твердо сказала старая госпожа. — Это он его нашел.

Три пары глаз уставились на Юаньцзина, заставляя его почувствовать груз ответственности. Он набрался смелости и ответил:

— Думаю, отцу стоит отвезти его в уездный город, в аптеку. Наверняка за него дадут немало серебра. Мне скоро понадобится больше книг, да и младшему брату, когда он родится, нужно будет крепко встать на ноги.

— Хорошо сказано! Как Цзин-бао решит, так и сделаем. Какой же ты у нас рассудительный, — умилялась бабушка.

Младшая госпожа Сун с надеждой спросила:

— Цзин-бао, ты уверен, что у меня там именно братик?

Юаньцзин только сейчас понял, что ляпнул лишнего — откуда ребенку знать такие вещи? Но он тут же вспомнил старое поверье: говорят, у детей «глаз острый», и они видят то, что скрыто в утробе матери. Хоть ему и было восемь, в глазах взрослых он всё еще попадал в эту категорию. Он уверенно кивнул:

— Да, это братик. Мама обязательно родит мне брата.

Взрослые просияли. Еще один сын в семье — это ли не благословение? В те времена считалось: чем больше сыновей, тем крепче стоит дом.

Юаньцзин тоже считал, что мальчик — это хорошо. И дело было не в предрассудках, а в суровых реалиях общества. К тому же он сам не планировал заводить семью и детей, а значит, на младшего брата ляжет важная миссия по продолжению рода.

«Так что, братишка, старший брат о тебе позаботится»

На следующий день, проводив Юаньцзина до школы, Даюн немедля отправился в уездный город. Если идти быстрым шагом, можно было успеть вернуться как раз к окончанию занятий сына.

По дороге он вспоминал слова Юаньцзина: тот уверял, что корню никак не меньше пятидесяти-шестидесяти лет. С этим знанием Даюн чувствовал себя увереннее — теперь аптечные приказчики не смогут его обмануть. Его сын просто чудо: и в травах разбирается, и возраст корня на глаз определяет!

Мысли его вторили сыновьим: как хорошо, что они не достали корень до раздела имущества. Пришлось бы делиться со старшим братом, и эти деньги пошли бы на Эрю. От одной мысли об этом Даюну становилось дурно. Хорошо, что сын оказался таким догадливым и придержал находку. Впрочем, он и не подозревал, что Юаньцзин про неё банально забыл.

Даюн обошел две аптеки и только в третьей решил достать заветный корень. Глаза старого лекаря заблестели:

— Кто его обрабатывал? Очень искусная работа, все корешки целы, ни один не поврежден.

Даюн не преминул похвалиться:

— Сын мой постарался. Он у меня по книгам лечебное дело учит, сам себе раны врачевал.

Старый лекарь только улыбнулся, не принимая бахвальство отца всерьез, но вид хорошего женьшеня привел его в благодушное настроение. Он показал жестом на пальцах:

— Что же, мне как раз заказывали такой корень. Дам тебе вот столько. Согласен?

— Восемьдесят лянов? — голос Тао Даюна дрогнул.

— Верно. Найдутся еще такие сокровища — неси ко мне, в обиде не оставлю. Наша аптека в уезде старая, с именем, любой подтвердит — мы платим честно.

Слова звучали убедительно, да и Даюн прежде сам поспрашивал людей, прежде чем войти именно сюда. С трудом сдерживая ликование, он поклонился лекарю:

— Договорились, господин лекарь. Женьшень ваш.

Выйдя из аптеки с восьмьюдесятью лянами за пазухой, Даюн на мгновение потерял связь с реальностью. Видел ли он когда-нибудь столько серебра разом? Даже вся их семья за долгие годы не скапливала такой суммы. Всё это принес его драгоценный сын — истинный талисман удачи.

Опасаясь воров, Даюн не стал задерживаться в городе и во весь дух пустился в обратный путь. Только когда он увидел сына, выходящего из ворот школы, его сердце наконец успокоилось. Он подхватил Юаньцзина на руки и весело рассмеялся.

По восторженному взгляду отца мальчик сразу понял — сделка удалась. Юаньцзин тоже был рад: отец молодец, держит ухо востро. Богатство не любит лишних глаз.

Попрошавшись с учителем, они двинулись домой. Только на пустой дороге, когда вокруг не было ни души, Даюн шепотом поведал сыну о сумме. Он показал пальцами «восьмерку»:

— Восемьдесят лянов! Представляешь, Цзин-бао? Теперь мы сможем достойно встретить твоего брата, да и тебе на любую учебу хватит!

Юаньцзин был приятно удивлен. Он не знал точных цен на женьшень в этом мире, понимая, что в разные эпохи стоимость могла колебаться от нескольких монет до целых слитков золота. Видимо, сейчас спрос был велик, к тому же в столице такая редкость стоила бы в разы дороже.

— Папа, теперь вам с мамой и бабушкой нужно питаться получше. Когда я выучусь и стану чиновником, вы будете жить в полном достатке. Верьте мне, эти восемьдесят лянов — только начало, — убеждал он.

Юаньцзин понемногу подливал воду из духовного источника в домашнюю кадку, но понимал, что магия не заменит хорошей еды, если организм истощен.

— Ох, сын, как скажешь, так и будет, — Даюн был на седьмом небе от счастья и готов был во всем слушаться первенца.

Дома их ждала новая волна радости. Серебро, конечно, отдали на хранение бабушке, но отец твердо передал наказ сына: с этого дня семья должна питаться сытно, чтобы у всех были силы. Старая госпожа Сун даже прослезилась от таких слов, причитая о том, какой у неё заботливый внук.

Они не стали болтать о деньгах на каждом углу, предпочитая богатеть в тишине. Однако с того дня не только Юаньцзин и его беременная мать, но и бабушка с отцом стали ежедневно съедать по яйцу, а в котелке всё чаще оказывалась белая крупа и свежее мясо.

Благодаря хорошему питанию и воде из источника лица домочадцев вскоре разгладились, с них сошла привычная крестьянская желтизна, а кожа приобрела здоровый оттенок.

Когда вопрос с деньгами был временно решен, Юаньцзин направил всю свою энергию на учебу. Его самодисциплина была куда выше, чем у прежнего владельца тела, и вскоре наставник Чэнь заметил разительные перемены. Учитель проникся к нему еще большей симпатией, втайне надеясь, что этот ученик сможет пойти гораздо дальше сюэаема.

В своей первой жизни Юаньцзин изучал традиционную медицину и перелопатил горы древних трактатов. Позже, занимаясь фармакологией, он искал знания в любых старинных источниках, так что сложные иероглифы не составляли для него труда. Навыки письма кистью тоже восстановились быстро, и вскоре мальчик полностью погрузился в мир книг.

Пожалуй, это было его главной чертой: чем бы он ни занимался, он делал это с полной самоотдачей. В этой жизни его путем стала государственная служба, и он был намерен пройти его до конца.

Поглощенный учебой, Юаньцзин почти забыл о своей вражде с Тао Эрью. Но сама Эрья помнила о нём каждую секунду. Чем хуже становилась её жизнь, тем сильнее она ненавидела кузена, считая его корнем всех своих бед.

Позже она пыталась оправдаться, твердя, что ни в чем не виновата, но деревенские кумушки из любопытства расспросили Фэн Гоуданя. Тот честно ответил, что видел, как в тот день Эрья вела Юаньцзина в лес. После этого сомнений ни у кого не осталось. Родители строго наказывали детям обходить девчонку стороной — кто знает, что еще взбредет в голову этой «черной душе».

Эрья смогла выйти из дома только через месяц. До этого она лежала пластом, баюкая избитое тело и копя злобу на всех: на отца, на старшую сестру, на мать и даже на маленького братика.

«Почему они не остановили отца? — думала она в ярости. — Разве Юаньцзин умер? Нет, вернулся живой и невредимый! Так за что меня так терзали?»

Старшая сестра Дая и младшая Санья в день ссоры пытались защитить её, но в глубине души тоже затаили обиду. До рождения младшего брата они искренне любили и почитали Юаньцзина, да и после мало что изменилось. Дая переживала больше всех: ей исполнилось двенадцать, скоро время сватовства, а теперь она лишилась не только поддержки будущего ученого в семье, но и обрела дурную славу из-за сестры.

Дая и раньше была неразговорчивой, а теперь и вовсе замкнулась. Она понимала: после такого позора найти хорошую партию будет почти невозможно. Кто поверит, что у них с Эрью разный характер?

Санья же, которая всегда хвостиком ходила за Юаньцзином, никак не могла взять в толк, как сестра могла так поступить. Родная сестра и любимый брат — как они могли стать врагами?

— Сестрица, о чем думала Эрья? Зачем она это сделала? — шепотом спрашивала Санья, когда тяжелая атмосфера в доме становилась невыносимой.

Дая ласково погладила младшую по голове и вздохнула:

— Я и сама не знаю. К тому же мне кажется... она совсем не раскаивается. Цзин-бао никогда не обижал нас, он относился к нам лучше, чем братья в других семьях. Санья, — Дая серьезно посмотрела на сестренку, — что бы она тебе ни говорила, не верь ей на слово. Если что-то случится — скажи мне или родителям. А если и они не помогут... иди к бабушке и Цзин-бао.

Санья не всё поняла из этих слов, но крепко их запомнила. Одно она знала точно: играть с Эрью она больше не хочет. Сестра её пугала — иногда Эрья смотрела на неё так, словно хотела живьем проглотить.

Санья не знала, что в прошлой жизни она тоже стала знатной госпожой, в то время как Эрья прозябала в нищете. В сюжете, который знал Юаньцзин, Санья закончила плохо — её жизнь в доме мужа была полна лишений, а Эрья лишь пролила пару крокодиловых слез, сетуя на её судьбу.

— Дрянные девчонки, куда вы запропалились? Не видите — ваш брат плачет! Живо идите и утешьте его! — кричала госпожа Ван, окончательно сменив маску покорности на вечное ворчание. — Когда выйдете замуж, брат будет вашей единственной опорой. Если сейчас не подружитесь с ним, кто за вас потом заступится?

Дая и Санья поспешили на зов. После раздела имущества их жизнь стала куда тяжелее, чем в родовом доме, а мать — злее.

Эрья же чувствовала, что у неё голова сейчас взорвется от криков. Всё тело болело, а тут еще этот постоянный шум. Но ей приходилось терпеть, иначе мать найдет повод для новой взбучки.

Единственным утешением для Эрью был её муж из второй жизни — Янь Жусун. Переродившись, она не собиралась снова становиться наложницей или второй женой. Она хотела войти в его дом законной супругой, хозяйкой. Она мечтала отправить ту подлую женщину в ад, чтобы та вечно молила о пощаде.

«Если бы не та злобная женщина, муж бы не боялся приходить в мою комнату! В конце концов, это она меня сгубила, и в этот раз я обязательно отомщу за свою прошлую смерть»

Она была уверена, что Жусун любит её — иначе зачем бы он позволял ей быть рядом? В этот раз она обязательно родит ему детей.

А что до Хуан Цунчуня и его вдовы-матери — в этой жизни она не даст им и шанса помыкать собой. Всё, что они сделали с ней прежде, она вернет сторицей.

Сначала она хотела быть почтительной дочерью, но отец даже слушать её не стал, избив до полусмерти. Что же, теперь ни он, ни мать не дождутся от неё ни капли дочерней любви. Эрья кипела от ненависти.

Когда она наконец смогла выйти во двор, на неё навалилась бесконечная работа. Госпожа Ван, чье сердце было полно злобы на дочь за позор перед деревней, помыкала ею как рабом. Эръя, привыкшая в прошлой жизни к услугам служанок, едва справлялась с непривычным трудом. Стоило ей заикнуться о протесте, как она тут же получала пощечину.

Тао Цзиньбао снова обмочился, и стирать пеленки, конечно, заставили Эръю. С брезгливым выражением лица она вышла к реке с тазом. Деревенские женщины тут же принялись шептаться и тыкать в неё пальцами, а дети издали швыряли в неё грязью, выкрикивая:

— Глядите, черная душа вышла! Змея подколотная!

Эръя едва не разрыдалась от ярости. Проклятый Юаньцзин! Она готова была разорвать его на куски. Почему он не сдох в том лесу? Если бы он погиб, всё было бы иначе!

В глубине души она чувствовала: её жизнь должна быть совсем другой. Она не должна так страдать. Интуиция подсказывала ей, что во всех её несчастьях виноват только один человек — Юаньцзин.

В тот день, возвращаясь из школы, Юаньцзин шел сам, отказавшись забираться отцу на спину. Он твердил, что ему нужно укреплять тело, хотя на самом деле мечтал о самостоятельных прогулках. Но семья была неумолима: бабушка и обе госпожи Сун настояли на том, чтобы его продолжали встречать.

— Что ты сказал, отец? Тао Эръя сбежала? — Юаньцзин замер, пораженный новостью. Впрочем, стоило ему поразмыслить, как он понял: это вполне в её духе.

Даюн осторожно погладил сына по голове, стараясь не задеть шрам под волосами.

— Да, сынок. Я работал в городке, когда меня позвали в деревню — помогать в поисках. Оказалось, кто-то видел, как девчонка одна уходила за околицу. Это было прошлой ночью, она прокралась в темноте. А потом твоя тетка обнаружила, что Эръя прихватила с собой все домашние деньги.

— Я поспрашивал в городке, — продолжил отец, — и один человек признался, что видел девчонку. Она прибилась к проезжему обозу. Обоз тот шел издали и держал путь куда-то дальше, никто толком не знает — куда.

О боги!

Юаньцзин не мог не восхититься дерзостью Эрьи. Десятилетняя девчонка решилась в одиночку броситься в неизвестность. Сам он, не будь прижат к стене обстоятельствами, вряд

ли выбрал бы такой путь.

<http://bllate.org/book/15835/1501588>